

Кирилл Здорик

ПРОЕКТ

«ГЕЕННА»

— ТОМ 1 —

18+

Кирилл Здорик
Проект «Геенна». Том 1

«Автор»

2026

Здорик К.

Проект «Геенна». Том 1 / К. Здорик — «Автор», 2026

Постапокалипсис. 30 лет назад неизвестный вирус «Геенна» вышел из-под контроля. Животные стали гигантами, обрели разум и уничтожили человеческую цивилизацию. Теперь люди — низшая каста, ресурс. Их содержат на фермах, клеймят, используют как мясо, молоко и рабочую силу. Группа детей сбегает с распределительной фермы. Их цель — Улей, подземный город, где люди ещё свободны. Но путь не прост и лежит через боль, страх и отчаяние. Первый том — о побеге, первой любви, первой потере и первом убийстве. «Проект «Геенна» — жёсткая антиутопия для тех, кто не верит в лёгкие победы.»

© Здорик К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
АННОТАЦИЯ	6
ОГЛАВЛЕНИЕ	7
ТОМ 1	8
ГЛАВА 1: КОРМ ДЛЯ ЗВЕРЕЙ	8
ГЛАВА 2: ТЯЖЁЛЫЙ ГРУЗ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Кирилл Здорик

Проект «Геенна». Том 1

Глава

Кирилл Иванович
Здорик
Проект «ГЕЕННА»

АННОТАЦИЯ

Никто не знает, когда это началось. Не точную дату. Не час. Те, кто мог бы рассказать, либо мертвы, либо смотрят на мир глазами, в которых больше нет ничего человеческого.

Говорят, это был вирус. Говорят, люди сами его создали. Секретный проект, зашифрованный под кодовым названием «Геенна» — в честь библейской долины огненной, места, где сгорают грешники. Ирония, которой никто не оценил.

Вирус должен был сделать животных умнее. Сильнее. Управляемыми. Идеальные солдаты, идеальные рабы.

Вместо этого он сделал их свободными.

Он передавался по воздуху. От волка к волку, от крысы к крысе, от ворона к ворону. Он менял их. Увеличивал. Открывал глаза, которые раньше видели только страх и голод. Они начали понимать. Запоминать. Планировать.

А потом — напали.

Синхронно. По всему миру. В одну ночь, которую потом назовут «Звериным часом», животные уничтожили всё, что делало людей сильными. Электростанции. Заводы. Военные базы. Узлы связи. Они не сражались с армиями — они перерезали горло цивилизации, пока та спала.

Люди выжили. Но перестали быть хозяевами.

Теперь мы — скот. Нас разводят на фермах, как когда-то мы разводили свиней и коров. Нас клеймят. Сортируют. Отправляют на мясо, на дойню, в трудовые лагеря. Наши пальцы — деликатес для элиты. Наши женщины — доильные аппараты. Наши дети — приплод, который либо вырастет на убой, либо повторит судьбу родителей.

Животные построили новый мир. Вертикальный. Там, наверху, в зданиях высотой в двадцать метров, живут хозяева. Ниже — их прислужники. Еще ниже, в подвалах, канализациях, заброшенных туннелях, ютятся те, кто еще не пойман. Или те, кто сбежал.

Нас называют «низшие». «Корм». «Дичь».

Но у нас есть имя, которое мы помним. И есть место, которое мы называем Ульем. Там, глубоко под землей, люди еще пытаются быть людьми. Там мы храним оружие, которое когда-нибудь используем. Там мы ждем.

Это история о том, как мы стали мясом.

И о том, как мы перестали им быть.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АННОТАЦИЯ

ТОМ 1

ГЛАВА 1: КОРМ ДЛЯ ЗВЕРЕЙ

ГЛАВА 2: ТЯЖЁЛЫЙ ГРУЗ

ГЛАВА 3: ЖЕЛЕЗНЫЕ КЛЕТКИ

ГЛАВА 4: ОБЕЩАНИЕ

ГЛАВА 5: НЕЗАЖИВАЮЩИЕ РАНЫ

ГЛАВА 6: СВОБОДА?

ГЛАВА 7: ДОВЕРИЕ

ГЛАВА 8: НЕДОПОНИМАНИЕ

ГЛАВА 9: НА ВОЛОСКЕ

ГЛАВА 10: ТИШИНА ПЕРЕД ВЫСТРЕЛОМ

ГЛАВА 11: ВЕРЁВОЧНЫЙ ЛЕС

ГЛАВА 12: ПРОСТИ

ТОМ 1

ГЛАВА 1: КОРМ ДЛЯ ЗВЕРЕЙ

Я впервые понял, что за забором есть что-то еще, когда мне было десять лет.

Не ту узкую полосу травы, которую мы видели с луга каждое утро и каждый вечер, когда нас выпускали «на пастбище». Не небо над головой — серое, тяжелое, знакомое до боли. А то, что за деревьями. Отец говорил, что там море. Бесконечная вода, за которой нет ничего, кроме горизонта. Я не знал, что это такое. Я видел только лужу после дождя и ручейки, быстро текущие к лесу. Но я хотел верить, что там, дальше, есть что-то большее.

Тина стояла на моих плечах, вцепившись в решетку, врезанную в стену почти под самой крышей. Эту решетку сделали для воздуха и света, но мы использовали её по-другому. С луга мы видели небо каждый день. Но за забором, за деревьями, за горизонтом — туда мы не могли попасть. Решетка была единственным местом, откуда можно было разглядеть, что там, дальше.

Она была младше меня на год, но весила меньше, чем следовало бы даже для девяти лет. Я чувствовал это каждый раз, когда поднимал её на плечи — её ноги были тонкими, как ветки, а пальцы впивались мне в шею с силой, которой, казалось, не должно было остаться в таком маленьком теле. Её волосы, когда-то русые, выцвели до цвета соломы и свисали неопрятными прядями, которые она постоянно убирала за уши. Уши у неё были крупные, чуть оттопыренные, и на левом висела деревянная бирка — *F-D-7-052*. Такая же, как у всех нас. Такая же, как у меня.

Я знал её с тех пор, как научился запоминать. Она жила в соседнем углу барака, со своей матерью — молчаливой женщиной с номером *F-D-7-051*, которая никогда ни с кем не разговаривала, кроме дочери. Тина была единственным человеком, который улыбался на ферме. Улыбка у неё была кривая, с обнаженными деснами, потому что два зуба выбили в прошлом году, когда свинья пнула её за то, что она не успела отбежать от миски с кормом. Но она всё равно улыбалась. Каждый раз, когда я поднимал её к решетке. Каждый раз, когда она смотрела на лес.

— Там трава, — прошептала она, и я почувствовал, как её пальцы сильнее сжали ржавый металл. — Высокая. И дальше — деревья.

— И что там, за деревьями? — спросил я, хотя знал, что она не знает.

— Не видно. Солнце бьет в глаза. Но... — она замолчала, и я почувствовал, как её тело напряглось. — Там что-то есть. Дальше.

— Слезай.

Голос матери был резким, как щелчок бирки о дерево. Тина вздрогнула, и я опустил её на землю. Ноги затекли, но я не подал виду.

Мать стояла в трех шагах от нас, сложив руки на груди. Её лицо было худым, с проступающими скулами и глубокими тенями под глазами — такими же, как у всех женщин на ферме, кто отдавал свою еду детям. Ей было, наверное, около тридцати, но она выглядела старше. Гораздо старше. Её волосы, когда-то темные, как у меня, теперь были густо перемешаны с седыми, и она стягивала их в узел на затылке, чтобы не мешали. На левом ухе у неё была бирка — *F-D-7-012*. На правом предплечье, там, где рука сгибается, я знал, что выжжено клеймо с тем же номером. Такое же клеймо было у всех взрослых. У меня его пока не было — только бирка на ухе. Отец говорил, что клеймо ставят, когда распределяют. Я не знал, что это значит. Но видел эти шрамы на руках матери и каждый раз отводил взгляд.

— Ты слишком много времени проводишь у решетки, — сказала мать, глядя на Тину. — Иди к своей семье.

Тина посмотрела на меня. В её глазах — серых, слишком больших для её лица — мелькнуло то, что я уже привык видеть в глазах всех детей на ферме. Не страх. Не печаль. Вопрос. Тупой, бесконечный вопрос: «Почему?»

— Иди, — сказал я. — Увидимся завтра.

Она пошла к дальнему углу барака, где её мать сидела на лежанке, перебирая тряпье. Женщина с номером *F-D-7-051* была одной из самых старых на ферме — ей было, наверное, за сорок, что в нашем мире означало древность. Её лицо было изрезано морщинами, как высохшая земля, а правая рука плохо сгибалась после того, как её сломали и срослась неправильно. Она не говорила почти никогда. Но когда она смотрела на Тину, её глаза становились мягкими, и она гладила дочь по голове своей здоровой рукой.

Тина обернулась один раз. Я помахал ей. Она не улыбнулась.

Мать взяла меня за плечо, развернула к себе. Её пальцы были холодными, но сильными.

— Ты должен понимать, — сказала она тихо, чтобы никто не слышал. — Она не твоя сестра. У неё есть своя семья.

— Я знаю, — сказал я, хотя не понимал, зачем она это говорит.

— Пойдем, — мать взяла меня за руку. — Ужин.

Мы пошли к нашей лежанке в углу барака. Я оглянулся на решетку — высоко под крышей, откуда Тина рассказывала мне про небо, траву, деревья. Там, за ней, был мир, которого я никогда не видел. И, может быть, никогда не увижу.

Мира уже сидела на корточках у большой деревянной миски, разбирая то, что вывалили свиньи час назад.

Моя сестра была старше меня на два года, но казалась взрослее на десять. В её движениях не было детской неуклюжести — каждое было выверенным, экономным, точным. Она умела отделять съедобное от несъедобного быстрее всех на ферме, и это было единственной причиной, почему нас кормили чуть лучше других. Свиньи это замечали. Иногда они останавливались у входа в барак и смотрели, как она работает, и я видел в их маленьких глазках что-то, похожее на одобрение.

Мира была похожа на мать. Те же темные волосы, которые она стягивала в тугую косу, чтобы не мешали. Те же острые скулы. Те же глаза — карие, почти черные, которые смотрели на мир с такой тяжестью, будто она уже видела всё, что могло случиться, и не ждала ничего хорошего. Но она никогда не жаловалась. Никогда не плакала. Она просто делала то, что нужно было делать, и не позволяла себе слабости. Я восхищался ею. И немного боялся.

— Сегодня дали больше, чем обычно, — сказала она, не поднимая головы. — Два картофеля целых.

Её руки двигались быстро, привычно. Она откладывала картофель в самодельные чаши из коры, отдельно — гнилые очистки, отдельно — объедки хлеба, который становился твердым, как камень. Всё, что можно было съесть, она раскладывала по кучкам: нам, матери, отцу, и маленький узелок прятала под лежанку — на случай, если завтра дадут меньше.

Я сел рядом. Из дальнего угла барака донесся плач младенца. Тонкий, надоедливый, как комар. Это плакал мальчик — сын женщины с номером *F-D-7-041*. У него была бирка на ухе — повесили на прошлой неделе: *F-D-7-041-B*. Буква «В» означала «birth». Приплод. Отец объяснил мне это когда-то. Он сказал, что «В» ставят тем, кто родился на ферме. Свиньи, когда проверяли бирки, тыкали в младенца копытами и хрюкали — довольно, довольно. Я не знал, что они говорили, но понял: они радовались. Ещё один.

Я смотрел на младенца, закутанного в грязные тряпки, и думал о том, что у меня нет его имени. Никто не называл его по имени. Может быть, у него его и не было.

— Отец где? — спросил я.

— У выхода. Смотрит на тучи. Говорит, дождь будет.

Я посмотрел в сторону открытого проема. Отец стоял там, широкий, нескладный в своей мешковатой накидке, и смотрел на небо.

Отец был самым большим человеком на ферме. Не толстым — в нашем мире толстых не было, — а ширококостным, с тяжелыми плечами и руками, которые, казалось, могли согнуть железный прут. Его лицо было обветренным, с глубокими морщинами вокруг глаз — он всегда щурился, даже когда смотрел в темноту барака. Я думал, что он самый сильный человек на свете. Я думал, что он может всё.

Его бирка — *F-D-7-011* — качалась на веревке, когда он поворачивал голову. Рядом с ним стоял его друг, отец Мэкки. Они говорили о чем-то тихо, почти беззвучно, и я заметил, как отец сжал кулак, когда друг что-то сказал.

Мэкки был старше меня на четыре года, и мы никогда не были друзьями — не потому, что он был злым или жестоким. Просто он всегда был слишком громким. Слишком быстрым. Слишком живым для места, где жизнь была самым дешевым товаром.

Он был шутником. В мире, где никто не смеялся, Мэкки находил повод для шутки. Он передразнивал свиней, когда те не видели. Он шепотом рассказывал истории, которые слышал от своего отца, — о мире, где люди ходили по огромным городам, где свет зажигался по щелчку, где можно было есть столько, сколько хочешь. Он рассказывал их так смешно, что иногда даже мать улыбалась краем рта. Но потом она вспоминала, где мы находимся, и улыбка исчезала.

Мэкки был высоким для своих лет, с длинными руками и ногами, которые, казалось, никогда не знали покоя. Его лицо было узким, с острым подбородком и глубоко посаженными глазами — серыми, как зимнее небо. Он говорил быстро, глотая слова, перескакивая с одной мысли на другую, и иногда я не успевал за ним. Он мог рассмеяться в самый неподходящий момент — когда свиньи проходили мимо, когда кто-то падал в грязь, когда мы разбирали миску с кормом и находили там что-то особенно отвратительное. Смех у него был громким, раскатистым, и я всегда боялся, что его услышат.

Я не любил его. Но я знал, что если начнется драка, я хочу быть на его стороне.

— Ешь, — мать протянула мне размятую картофельную кожуру на куске коры.

Я взял. Не стал жевать. Спрятал за щеку.

— Я не голоден.

— Я сказала — ешь.

Я послушался. Кожура была горькой, но я жевал, потому что мать смотрела.

Потом подошел отец. Он сел на корточки рядом с матерью и долго молчал. Я видел, как его рука лежит на её руке, как она сжимает его пальцы.

— Сегодня, — сказал он тихо, так, чтобы только мы слышали. — Сигнал был. Три дыма со стороны леса. Лодка на берегу.

Мать сжала его руку сильнее, и я увидел, как побелели её костяшки.

— Смена через два часа, — продолжал отец. — Новые придут только затемно. У нас есть время.

— А ты? — спросила мать. Голос её был чужим, тонким.

— Кто-то должен задержать их.

Мать закрыла лицо руками. Отец обнял её, прижал к себе, и я видел, как его плечи дрожат. Мой отец, самый сильный человек на ферме, дрожал.

— Собирай детей, — сказал он. — Всех, кто сможет бежать.

Я смотрел на них и не понимал. Не до конца. Только чувствовал, как что-то тяжелое встает в груди, мешая дышать.

— Ник, — отец повернулся ко мне. — Ты пойдешь с матерью. Ты и Мира.

— А ты? — спросил я.

Он не ответил. Достал из-под лежанки сверток, развернул промасленную тряпку. Внутри был моток веревки, сплетенной из тонких ниток, и кусачки. Я смотрел на них и не понимал, откуда они взялись. Мы не имели права иметь такие вещи. Если бы свиньи нашли их, отца убили бы на месте.

— Я давно ждал этого дня, — сказал он.

Отец сунул мне сложенный кусок кожи — карту. Я никогда не видел карт, только слышал о них. Отец говорил, что на них нарисован мир.

— На берегу человек с лодкой, — сказал он. — Его зовут Крюстон. Скажешь ему — «отец Ника послал». Он знает.

Потом он посмотрел на меня. Глаза у него были светлые, как вода в ручье, о котором рассказывал отец Тины.

— Ты сильный, — сказал он. — Сильнее, чем я.

Я хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. В груди стало горячо, и я понял, что если открою рот, то закричу.

— Не оглядывайся, — сказал он. — Что бы ни случилось — не оглядывайся и не возвращайся сюда.

Дождь начался, когда мы собрались у забора. Сначала редкие капли, потом стена воды, смешивающаяся с грязью под ногами.

Забор был высоким — в три человеческих роста. Колючая проволока наверху блестела в темноте, и я знал, что если прикоснуться к ней, она порвет кожу, как нож. Но отец плел веревку несколько лет, и она легла на проволоку мягко, не задев шипов. Кусачки щелкнули один раз, другой. Проволока лопнула с металлическим стоном, и я испугался, что этот звук услышат свиньи в своей вышке. Но дождь был громче.

Дети лезли первыми.

Мэкки стоял у забора, помогая младшим перебираться через верх. Его движения были быстрыми, резкими — он хватал детей за шиворот, поднимал, перекидывал, и они падали в грязь по ту сторону, поднимались и бежали в темноту. Его бирка — *F-D-7-028* — прыгала на ухе, и я заметил, что он не снял её. Никто не снял. Бирки были нашей единственной защитой — если собаки найдут нас без бирок, они убьют сразу, даже не спросив.

— Тина! — крикнул Мэкки, оглядываясь. — Давай!

Я обернулся.

Тина стояла у стены барака, рядом с матерью. Женщина с номером *F-D-7-051* держала дочь за руку, и лицо у неё было белое, как кость. Она что-то шептала Тине на ухо, и я видел, как девочка качает головой, как её плечи поднимаются и опускаются.

— Тина! — крикнул я, делая шаг к ней. — Идем!

Она посмотрела на меня. В её глазах были слезы, но она не плакала. Она смотрела на меня так, будто видела в последний раз.

— Она остается, — голос матери Тины был спокойным, но я слышал в нем то, что заставило мое сердце сжаться. — Она остается со мной.

— Нет! — я рванулся к ней, но мать схватила меня за плечо.

— Нельзя, — прошептала она. — Нельзя, Ник.

— Тина!

— Беги, Ник, — сказала Тина. Она не кричала. Её голос был тихим, почти ласковым. — Беги. Я потом.

— Ты не можешь...

— Беги.

Её мать развернула её и увела в барак. Я видел, как они исчезают в темноте, как дверь из грубых досок закрывается за ними. Я стоял в грязи, под дождем, и смотрел на эту дверь, и не мог двинуться с места.

— Ник! — Мэкки схватил меня за шиворот, потащил к забору. — Она не пойдет! Бежим!

— Пусти!

— Она не пойдет! — он ударил меня, и я упал в грязь. — Ты понял? Она осталась. А ты бежишь.

Мира подхватила меня, помогла встать.

— Надо идти, — сказала она. — Нас ждут.

Я перелез через забор. Упал в грязь по ту сторону, и кто-то поднял меня, потащил. Я не помню, как бежал. Только помню, как оглянулся один раз — и увидел, как ворота фермы открываются, как из них вываливаются огромные свиньи на задних копытах, как отец и его друг бегут им навстречу с самодельными острыми предметами в руках.

Потом я бежал. И не оглядывался.

Лес встретил нас темнотой и ветками, хлещущими по лицу.

Я бежал, не разбирая дороги. Вокруг мелькали силуэты — Миры, Мэкки, другие дети, которых я знал только по биркам. Кто-то упал сзади, закричал, и крик оборвался так быстро, что я не понял — человек или собака.

— Сюда! — крикнула Мира, и мы свернули к ручью.

Я бежал за ней, чувствуя, как дождь заливает глаза, как ноги скользят по мокрой траве. В руках у меня было что-то тяжелое — я не сразу понял, что это. Младенец. Женщина с номером *F-D-7-041* сунула его мне, когда я пробежал мимо. «Возьми», — сказала она, и я взял, не думая. Теперь я прижимал его к груди и чувствовал, как бьется его маленькое сердце — быстро-быстро, как у пойманной птицы.

Мы спускались к ручью. Глина под ногами была мокрой, скользкой. Я поставил ногу на камень, и он ушел из-под меня. Я упал на спину, но успел вытянуть руки, чтобы не раздавить ребенка. Он заплакал — тонко, жалобно, и этот звук показался мне громче грома.

— Тише, — прошептал я, поднимаясь. — Тише, пожалуйста.

Сзади залаяли собаки. Близко.

— Сюда! — Мира уже была у нависания скалы, под которым чернела впадина. — Быстро!

Я перебрался через ручей по камням. Младенец плакал, и я знал, что собаки слышат его. Я зажал ему рот рукой, но он не замолкал.

— Тихо! — зашипел я.

Мира вытащила меня из воды и потащила под навес.

— Тряпку! — крикнула Мира.

Я разорвал подол своей накидки, засунул тряпку в рот младенцу. Он захныкал, но звук стал глуше.

— Тихо, — прошептал я. — Все тихо.

Собака спустилась к ручью.

Я видел её силуэт в темноте — огромный, размером с теленка, с горящими глазами. Она нюхала воздух, поворачивала голову, всматриваясь в темноту под навесом.

Я замер.

Мира замерла рядом.

Младенец под тряпкой был неподвижен. Может, он заснул. Может, задохнулся. Я не знал. Я только чувствовал, как мое сердце колотится в груди, и боялся, что собака услышит его.

Собака фыркнула. Развернулась. Ушла.

Я ждал еще долго, прежде чем позволил себе выдохнуть.

Дождь закончился к утру. Мы вылезли из-под навеса, мокрые, грязные, дрожащие. Младенец уснул на моих руках, и я боялся его разбудить.

Небо было чистым. Солнце пробивалось сквозь тучи, и пар поднимался от мокрой травы, от нагретых камней. Было красиво. Слишком красиво для такого мира.

Моя сестра молчала. Она смотрела вниз, туда, где ручей уходил к морю.

— Нам нужно идти, — сказала она. — Карта у тебя?

Я полез за пазуху. Карта, которую дал отец, была там, в тряпице, пропитанная влагой. Я развернул её — и увидел, как расплываются линии, как чернила смешиваются с грязной водой, превращаясь в бесформенное пятно.

— Нет, — прошептал я. — Нет, нет, нет...

Мира вырвала карту из моей руки. Посмотрела на неё. Её лицо окаменело.

— Бесполезно, — сказала она.

Я стоял, сжимая в руках младенца, и смотрел на размокший кусок кожи. Единственное, что отец оставил нам. Единственная нить, ведущая к свободе. И я уничтожил её.

— Не надо, — вдруг раздался голос. Мы обернулись.

Из высокой травы вышел Мэкки. Он был весь в грязи, на щеке — глубокая царапина, но он стоял прямо, сжимая в руке нож.

— Я думал, вы ушли дальше, — сказал он. — Я искал вас всю ночь.

— Где остальные? — спросила Мира.

Мэкки промолчал. Отвел взгляд.

— Я видел, как их... — он не договорил. — Неважно. Нам нужно идти.

— Карта пропала, — сказал я, показывая размокший кусок кожи.

Мэкки взял её, посмотрел. Потом поднял голову, прищурился на солнце.

— Отец говорил — идти на запад, спускаясь к морю, — сказал он. — Солнце сейчас на востоке. Значит, запад — туда.

Он показал вниз по ручью.

— Идем.

Мы шли к морю. Ручей вился между камнями, становясь шире с каждым шагом. Вода журчала, и я пытался удержать этот звук в голове, чтобы запомнить его навсегда. Чтобы, когда меня снова посадят в клетку, я мог закрыть глаза и услышать что-то кроме криков и лая.

— Красиво, — сказал Мэкки.

Мира ничего не ответила. Она шла впереди, оглядываясь по сторонам, готовая бежать при первой опасности. Я шел за ней, сжимая младенца.

Также я увидел нож, который Мэкки сунул за пояс. Настоящий нож. Не обломок, не заточенная кость, а настоящее лезвие, которое поблескивало на солнце.

— Откуда у тебя нож? — спросил я.

Мэкки оглянулся, проследил за моим взглядом.

— Отец дал, — сказал он. — Хранил его. Еще до фермы.

— Все эти годы? — спросила Мира.

— Все эти годы.

Он не добавил ничего больше. Не пошутил. Просто шел вперед, и я видел, как его пальцы сжимают рукоятку.

— Смотри, — прошептал Мэкки.

В этот момент ветка хрустнула сзади.

Я обернулся. Из кустов вышла собака. Та самая, что была у ручья. За ней — свинья. Она стояла на задних копытах, огромная, выше любого человека, которого я видел. На ней был грязный фартук, на поясе болталась связка сухих пальцев.

Свинья смотрела на нас. Её маленькие глазки блестели. Она хрюкнула — довольно, радостно. «Нашлись», — говорило её хрюканье.

Она сделала шаг вперед.

Мэкки вылетел из травы, как стрела. Он ударил свинью обломком ветки в бок. Свинья взвизгнула, развернулась. Мэкки упал в грязь.

— Прячьтесь! — закричал он.

Я схватил Миру за руку, потянул в сторону. Мы бросились к ближайшему дереву — старому дубу с раскидистой кроной.

— На дерево! — крикнул я. — Я полезу, ты с ребенком в корни!

Мира не спорила. Она нырнула под корни, прижимая младенца к груди. Я полез вверх, цепляясь за кору, подтягиваясь на ветках. Руки скользили, кора впивалась в ладони, но я лез.

Собака бросилась к корням, сунула морду в темноту. Мира закричала.

— Мэкки! — заорал я. — Нож!

Мэкки уже был рядом. Он выхватил нож из-за пояса, рубанул собаку по морде. Собака взвизгнула, отшатнулась, но тут же бросилась снова. Мэкки увернулся, вонзил нож ей в бок. Кровь брызнула на траву. Собака упала, задергалась, затихла.

Свинья бежала на нас. Я спрыгнул с дерева, повис на её щетинистой шее. Она тряхнула головой — я отлетел, ударился спиной о ствол. Нож выпал из руки Мэкки, упал в траву.

Мэкки снова схватил нож, подбежал к свинье. Полоснул по ногам. Свинья взвизгнула, рухнула на колени. Мэкки добил её — удар в шею, глубоко, до хроста.

Тишина.

Я стоял, опираясь на ствол, и смотрел на две туши, лежащие в траве. Мои руки дрожали. В ушах звенело.

— Ну, — сказал он, разглядывая свою работу. — Свинина на ужин отменяется.

Я не знал, смеяться или ударить его. Мира смотрела на него с таким лицом, будто он сошел с ума.

— Ты что, — прошипела она. — Совсем?

— А что? — Мэкки сунул нож за пояс, отряхнул руки. — Она хотела нас съесть. А мы её даже не попробовали. Не гостеприимно как-то.

— Да ладно, — Мэкки бросил последний взгляд на тушу свиньи. — Она же сказала: «маленькие корм». А мы оказались не по зубам. Перекусила, называется.

Он хохотнул, но в этот раз тихо, приглушенно. И я понял, что это не глупость. Это был страх. Такой же, как у меня. Просто он умел превращать его в шутки.

— Бежим, — сказал он серьезно, и шутка ушла из его глаз. — Пока другие не пришли.

Мы вышли к морю. Оно было серым, спокойным. Туман стелился над водой, скрывая горизонт, и вода казалась бесконечной — больше, чем я мог представить. Я слышал о море от отца, но думал, что это просто большая река. Теперь я стоял на берегу и понимал, что ошибался. Море было миром. Миром, который не принадлежал ни животным, ни людям. Миром, который просто был.

— Там! — крикнула Мира.

Я посмотрел в туман. Вдали, покачиваясь на волнах, стояла лодка. В ней кто-то был.

Мы побежали к воде. Песок хрустел под ногами, младенец на моих руках проснулся и заплакал, но я не мог его успокоить.

Сзади раздался выстрел.

Я обернулся. Из леса выбежала собака — низкая, коренастая, с короткими лапами, которые, казалось, были слишком короткими для её тела. Это был бассет-хаунд — я узнал породу по рассказам отца. На голове у неё была старая шляпа, съехавшая на один глаз. На спине — упряжь, к которой было примотано ружье. Веревка от спускового крючка тянулась к зубам.

— Бегите! — закричал Мэкки. — Я отвлеку!

Он бросился в сторону, крича, размахивая руками. Собака развернулась, дернула головой — выстрел. Пуля взрыла песок рядом с нами.

Мы бежали. Я бежал, прижимая к груди младенца, чувствуя, как ноги вязнут в песке, как сердце колотится где-то в горле.

— Быстрее! — крикнул кто-то с лодки.

Старик в плаще — Крюстон — стоял на корме, держа весло. Его лицо было изрезано морщинами, как кора старого дерева, но руки были крепкими. Он протянул руку, помогая нам забраться.

— Живо!

Мы плюхались в лодку — я, Мира. Младенец орал, захлебываясь слезами.

— Подожди! — закричал я. — Мэкки!

Крюстон уже отталкивался от берега.

— Нет. Ждать нельзя.

— Нет! — я рванул к борту, но Мира схватила меня за руку.

— Ник, — сказала она. — Смотри.

Мэкки выбежал из кустов, бежал изо всех сил. Собака — за ним. Выстрел. Пуля врезалась в песок у его ног. Он споткнулся, упал, поднялся.

— Хватай! — Крюстон протянул весло.

Мэкки добежал до воды, бросился в море, поплыл. Его руки били по воде, шляпа слетела с головы собаки, и я увидел, как она скалится на берегу.

Мэкки схватился за весло. Крюстон потянул, и Мэкки перевалился через борт, упал на дно лодки рядом со мной. Он был мокрый, тяжело дышал, но был жив.

Я смотрел на полосу песка, которая становилась всё шире. Там, на берегу, собака снова наклонила голову, прикусила веревку. Я видел, как напряглись её челюсти, как дернулась голова.

Грохот.

Пуля ударила в воду в двух метрах от лодки. Вода взметнулась фонтаном брызг, и я почувствовал, как капли долетели до лица. Холодные. Соленые.

Еще один выстрел. Пуля прошла выше, разрезала туман, ушла в никуда.

Собака стояла на берегу. Она смотрела вслед лодке и лаяла — не злобно, а тоскливо, как будто потеряла что-то важное. Её лай уходил в туман и таял там.

Я смотрел, как берег становится меньше, как лес превращается в темную полосу, как фигура собаки исчезает в тумане. Я смотрел туда, где осталась ферма. Где остался отец. Где осталась мать. Где осталась Тина.

— Они... — начал я.

— Не смотри, — сказал Крюстон. — Не оглядывайся.

Я посмотрел на него. Его лицо было спокойным, но глаза были старыми. Старше всего, что я видел в своей жизни.

— Твой отец, — сказал он, не оборачиваясь. — Я знал его. До всего этого. Хороший был человек.

— Он жив? — спросил я.

Крюстон промолчал. Весло скрипнуло в уключине.

— Мы плывем в Улей, — сказал он. — Там безопасно.

— Что такое Улей? — спросила Мира.

— Увидите.

Лодка качалась на волнах. Туман смыкался вокруг нас, скрывая берег, скрывая лес, скрывая всё, что я знал.

Младенец на моих руках уснул. Может, ему снилось что-то хорошее. Может, ему снилось, что он не здесь.

Я закрыл глаза. И попытался представить, что такое море.

Но видел только серую воду и туман, в котором исчезало всё, что я знал.

ГЛАВА 2: ТЯЖЁЛЫЙ ГРУЗ

Мы плыли в тумане уже не знаю сколько времени. Может, час. Может, день. Время в лодке тянулось иначе — оно становилось таким же серым и тягучим, как вода вокруг. Я смотрел на ребенка, который спал у меня на руках. Мои пальцы дрожали, прижимая его к груди. Я сжимал их, разжимал, сжимал снова. Дрожь не проходила.

Крюстон сидел на корме, держась за весло. Он не греб, только правил, изредка погружая весло в воду, чтобы лодка не разворачивалась. Его лицо было спокойным, но я заметил, как его глаза смотрят в туман. Он знал, куда мы плывем. Или делал вид, что знает.

— Вы знали моего отца? — спросил я.

Крюстон посмотрел на меня. Долго. Потом кивнул.

— Знал, — сказал он. — Мы вместе жили в одном поселении. После того как всё рухнуло, люди сбивались в такие места. Прятались в лесах, в старых бункерах. Держались вместе.

— А как вы познакомились? — спросила Мира.

Крюстон усмехнулся. Усмешка у него была кривая, невеселая.

— Твой отец тогда был мальчишкой. Лет семнадцати. Нас послали за водой к ручью. Я был старше, но глупее. Наступил на корень, поскользнулся, сломал ногу. Думал — всё. Или звери сожрут, или свои бросят. А он не бросил. Дотащил меня до лагеря. Три километра по лесу, под дождем. Сам чуть не заблудился, но не оставил.

Он замолчал, глядя на воду. Весло лежало у него на коленях, и я видел, как его пальцы гладят деревянную рукоятку.

— После того дня мы стали как братья, — продолжил он. — Вместе ходили за едой. Вместе строили укрытия. Вместе ждали, когда звери уйдут.

— А что случилось потом? — спросил я.

— Потом его поймали, — голос Крюстона стал глуше. — Вылазка за инструментами. Наткнулись на патруль. Я был в другом месте, иначе...

Он не договорил.

— А вы? — спросила Мира. — Как вы остались свободны?

— Мне повезло, — сказал Крюстон. — Или нет. Смотря как считать. Я остался, а он нет. Я пережил, а он... — он посмотрел на меня. — Я должен был его спасти. Но не смог.

— Он сам сказал не возвращаться, — ответил я, хотя не знал, откуда берутся эти слова.

Крюстон посмотрел на меня долгим взглядом. Потом покачал головой.

— Он всегда был таким, — сказал он. — Всегда думал о других. Ты похож на него.

Я опустил глаза. Мне хотелось спросить еще о чем-то, о том, каким отец был в том поселении, о чем он говорил, что любил. Но слова застряли в горле. Вместо этого я смотрел на воду.

— А каким был мир до того, как... — Мира не договорила.

— До того, как животные стали хозяевами? — Крюстон усмехнулся. — Другим. Люди тогда думали, что они всё могут. Строили города, дороги. Книги писали. Тысячи книг. Обо всем на свете.

— А что было в книгах? — спросил Мэкки.

Крюстон усмехнулся, но в этот раз его усмешка была не злой, а какой-то далекой.

— Всё, — сказал он. — В одной книге было написано, как построить дом. В другой — как вылечить больного. В третьей — история о том, как люди летали на луну. Я думал, это сказка. Оказалось — правда.

— На луну? — я не поверил своим ушам.

— На луну, — кивнул Крюстон. — Люди могли всё.

Я смотрел на него, пытаюсь представить. Люди, которые летают. Книги, в которых написано про всё на свете. Отец рассказывал мне о старом мире, но иначе. Он говорил о том, как люди строили огромные города, как зажигали свет одним движением, как ездили по дорогам на машинах. Но он никогда не говорил о луне. Никогда не говорил о том, что люди могли всё. Его рассказы были сухими, короткими, как будто он не хотел, чтобы я мечтал о том, чего никогда не увижу. Он учил меня другому — как отличить следы волка от следов собаки, как найти съедобные корни, как затаиться так, чтобы тебя не заметили. Он готовил меня к этому миру. К тому, в котором мы живем. А не к тому, который сгорел.

Крюстон говорил иначе. Он говорил так, будто прошлое всё еще можно вернуть. Будто оно лежит где-то там, на дне, и ждет.

— Где вы брали книги? — спросила Мира.

Крюстон замолчал. Я думал, он не ответит, но он заговорил, глядя в туман:

— Я помню одно место. Называлось библиотекой. Я был мальчишкой, как вы. Мы ходили туда с отцом. Там пахло пылью и деревом. И тишина была такая, что слышно было, как пылинки падают на пол. Я думал, что это самое большое здание в мире. А потом я вырос и понял, что это была просто маленькая комнатка в маленьком городе. Но тогда она казалась мне целым миром.

Никто не говорил. Я смотрел на свои руки и думал о том, что отец никогда не рассказывал мне о библиотеках. Может, он хотел, чтобы я не скучал по тому, чего никогда не видел. Чтобы я думал только о том, как выжить здесь и сейчас. А Крюстон... Крюстон жил в том мире. И не мог его отпустить.

— А теперь животные сожгли все книги, — сказал он. — Они знали, что знания делают людей сильными. Без книг мы стали слабее. Быстрее забыли, кто мы.

Он снова усмехнулся, но в этот раз в его глазах мелькнуло что-то острое, злое.

— Говорят, вороны собирают пальцы, — голос Крюстона стал тише. — Нанизывают их на нити, раскладывают в определенном порядке. И думают, что так могут прочитать историю человека. Его жизнь. Его грехи. Как будто пальцы — это книги, которые не сгорели.

Никто не засмеялся. Мэки перестал болтать ногами. Мира продолжала смотреть на воду. Я смотрел на ребенка, который спал у меня на руках, и думал о том, что в мире, где были книги, люди летали на луну. А теперь мы сидим в лодке, мокрые, голодные, и боимся даже пошевелиться.

Крюстон вздохнул.

— Я запомнил одну книгу, — сказал он. — Там было написано: «Море — это зеркало, в котором земля видит свое прошлое». Раньше я думал, что это о красоте. О том, как вода отражает небо. А теперь понимаю: люди смотрели на море и видели себя. Свои города, свои корабли, свою силу. А теперь мы смотрим и видим только воду. И то, что потеряли.

Он замолчал. И больше не говорил.

Я смотрел на ребенка. Он спал, но его лицо было напряжено, как будто ему снился плохой сон. Может, ему снилась ферма. Может, ему снилась его мать, которая осталась там, у забора.

Я смотрел на него и чувствовал, как что-то тяжелое встает в груди. Страх. Усталость. Еще что-то, чего я не умел называть. Я понял, что больше не могу его держать. Что если я буду держать его еще, то не смогу защищать. Не смогу думать. Не смогу бежать, если придется. Я стану слабым. А слабость в этом мире — смерть.

— Мира, — сказал я. — Возьми его.

Она посмотрела на меня с удивлением.

— Почему я?

Я не знал, что ответить. Я смотрел на ее руки — они были твердыми, спокойными. На ее лицо — оно не плакало. Никогда. Она была сильнее. Сильнее меня.

— Ты не плачешь, — сказал я. — Ему нужно то, что не плачет.

Она посмотрела на меня долгим взглядом. Потом молча взяла младенца, прижала к груди. Он заворочался, но не проснулся.

— Он теперь твой, — сказал я.

Она ничего не ответила. Просто сидела, глядя на воду, и я не знал, о чем она думает. Может, о том же, о чем я. О том, что мы оставили позади. О том, что ждет впереди.

Свет появился неожиданно.

Сначала я подумал, что это солнце пробивается сквозь туман. Но солнце было с другой стороны — я помнил, где оно вставало, потому что Мэкки показывал. А этот свет был впереди. Желтый. Мерцающий. Он разгонял туман, делал его тоньше, прозрачнее.

Крюстон выпрямился. Его лицо стало жестким, как камень.

— Тихо, — сказал он.

Свет становился ярче. Туман рассеивался, и я начал различать силуэт. Огромный. Больше всего, что я видел в своей жизни. Больше фермы. Больше леса. Он стоял на воде, черный, ржавый, покрытый какими-то наростами. Я сначала не понял, что это. Потом разглядел — лодки. Десятки лодок, стоящих наверху, сложенных друг на друга, привязанных веревками к железным крюкам.

Потом раздался звук. Низкий, тягучий, как будто земля застонала. Он прошел сквозь меня, и я почувствовал, как вибрируют кости.

— Грузовой корабль, — сказал Крюстон. — Быстро. Под брезент.

Он схватил плотную ткань, лежащую на дне лодки, и набросил на нас. Я почувствовал, как тяжелая ткань упала на плечи, как темнота накрыла меня. Мира прижала младенца к груди. Мэкки присел, сжимая нож. Я замер, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Не двигайтесь, — прошептал Крюстон. — Не дышите.

Корабль приближался.

Я слышал, как вода расходится под его носом, как что-то скрипит и стонет в его огромном теле. Свет пробивался сквозь ткань, и я видел, как он становится ярче, ближе, как тени от веревок и железных мачт падают на нас, закрывая, открывая, закрывая.

Потом — удар. Лодка дернулась, и я чуть не вскрикнул. Что-то огромное схватило нас.

Я приоткрыл край ткани.

Над нами был ворон.

Он висел в воздухе, держа лодку в лапах. Его крылья были раскрыты — я никогда не видел таких крыльев. Каждое было в два, нет, в три раза больше меня. Перья были черными, но на свету отливали синим, как масло на воде. Когти были желтыми, кривыми, они впились в дерево, и я слышал, как оно трещит.

На шее у ворона болтался ошейник. Кожаный, широкий, весь в застежках и пряжках. А на него были нашиты пальцы. Человеческие пальцы. Сушеные, коричневые, с обломанными ногтями. Они стучались друг о друга, когда ворон двигался, и звук был похож на сухой треск костей.

Ворон поднял лодку. Я почувствовал, как земля уходит из-под меня, как нас поднимает в воздух, как ветер свистит в ушах. Он летел медленно, тяжело, и я видел, как его крылья бьют по воздуху, как каждое движение дается ему с трудом.

Он опустил лодку на крышу корабля.

Я смотрел в щель между тканью и бортом. Крыша была огромной — плоской, ржавой. Здесь стояли другие лодки — десятки, может, сотни. Все пустые. Все ждали. Их днища были мокрыми, и вода стекала с них, образуя темные лужи.

Ворон поставил нашу лодку рядом с ними. Крюстон сидел на корме, не двигаясь. Его лицо было спокойным, но я видел, как его пальцы дрожат.

Ворон каркнул — коротко, отрывисто. Крюстон молчал.

Ворон наклонил голову, рассматривая его. Его глаз был желтым, круглым, без зрачка. Он смотрел на Крюстона, и мне казалось, что он видит всё. Он каркнул снова, и в этом карканье буд-то бы звучал вопрос. «Один?»

— Я один, — сказал Крюстон.

Ворон посмотрел на лодку. Я замер, чувствуя, как его взгляд скользит по ткани. Он наклонил голову на другой бок. Я слышал, как его когти царапают борт лодки. Медленно. Мерно. Как будто он считал.

На секунду мне показалось, что он видит нас. Что он сейчас схватит ткань когтями и...

Ворон качнул головой. Каркнул. Коротко.

Он схватил Крюстона за плечо. Когти впились в плащ, и я услышал, как трещит ткань. Ворон поднял старика в воздух, и тот повис, как тряпичная кукла. Он не кричал. Не сопротивлялся. Только смотрел вниз, на лодку, и я видел его глаза. Они были спокойными. Как будто он знал, что так будет. Как будто он ждал этого.

Я смотрел, как они поднимаются, как фигура Крюстона становится маленькой, как ворон опускается на палубу. Там было темно, но я видел, как к ворону подошел кто-то еще. Кот. Он шел на двух задних лапах, и на его голове была высокая черная шляпа. Кот был ниже ворона, но держался так, будто он здесь главный.

Они заговорили. Я не разбирал слов, только звуки — резкое карканье и низкое, урчащее мяуканье. Ворон наклонил голову, показывая когтями на Крюстона. Кот мотнул головой, дернул хвостом. Они спорили. Ворон рванулся вперед, но кот встал у него на пути, и я увидел, как его спина выгнулась, как шерсть встала дыбом.

Мне показалось, что ворон хочет забрать Крюстона себе. А кот не дает.

— Бежим, — прошептал Мэкки.

Я оглянулся. Крыша была пустой. Только лодки. Только ткань, под которой мы прятались. Где-то внизу слышались голоса — карканье, мяуканье, тяжелые шаги.

— Бежим, — повторил Мэкки. — Сейчас. Пока никто не пришел.

Мы выбрались из-под ткани. Мира прижимала младенца, я оглядывался по сторонам.

— Туда, — Мэкки показал на железную решетку в стене.

Мы побежали. Коробки, ящики, веревки — мы скользили между ними, пригибаясь, стараясь не шуметь. Мира бежала за мной, и я слышал, как тяжело она дышит.

Решетка была старой, ржавой. Мэкки вставил нож между прутьев, нажал. Решетка поддалась, но не открылась.

— Помоги, — прошептал он.

Я налег вместе с ним. Ржавчина хрустнула, и решетка соскочила. Внутри было темно, и пахло металлом и пылью.

— Давай, — Мэкки влез первым.

Я пропустил Миру. Она ловко забралась внутрь, прижимая ребенка. Я полез последним. Внутренность была большой. Я мог стоять в полный рост, не сгибаясь. Стены были железными, холодными, покрытыми ржавчиной. Но дышать было легко — здесь двигался воздух, и я чувствовал, как он обдувает лицо.

— Что теперь? — спросила Мира.

Мэкки огляделся. Его лицо было напряженным.

— Надо вернуться, — сказал он. — За Крюстоном.

— Нет, — ответила Мира.

— Он нас спас. Мы не можем...

— Нет, — повторила она. — Мы ничего не можем. Ты видел этого ворона? Если мы вернемся, нас убьют. Или поймают. И тогда всё зря.

Мэкки сжал кулаки. Я видел, как его челюсть напряглась.

— Она права, — сказал я.

Он посмотрел на меня. В его глазах была злость. И страх. Такой же, как у меня.

— Ладно, — сказал он. — Идем.

Мы пошли вниз.

Проход сужался, потом расширялся, потом снова сужался. Мы шли по железному полу, и наши шаги звучали глухо. Я смотрел на стены — они были чище, чем я ожидал. Ржавчина была, но пыли почти не было. Как будто здесь недавно убрали.

— Лестница, — сказал Мэкки.

Она была приварена к стене. Узкая, железная, с круглыми ступеньками. Я посмотрел вниз — темнота.

— Для кого это? — спросила Мира.

— Для крыс, — ответил Мэкки.

Мы переглянулись с Мирой. Я не знал, шутит он или говорит правду.

— Что? — не понял я.

— Убираются здесь.

— Крысы? — Мира посмотрела на него, как на сумасшедшего.

— А кто еще? — Мэкки оглядел чистые стены. — Мой отец на ферме рассказывал, что раньше крысы жили в помоях. А здесь — чистота. Понимаешь? Крысы, которые жили в грязи, теперь наводят порядок.

Он хохотнул.

— Они теперь чистюли.

Я не знал, смеяться или нет. Но Мэкки смеялся, и в его смехе было что-то горькое.

— Всё в этом мире перевернулось, — сказал он. — Свиньи стали хозяевами. Крысы — уборщиками. А мы... — он не договорил. — Идем.

Он хохотнул, но тихо, приглушенно. И я понял, что это опять его шутка. Его способ не бояться.

Он полез первым. Я за ним. Мира последней, с ребенком.

Лестница была длинной. Я считал ступеньки — десять, двадцать, тридцать. Темнота сжималась вокруг, и я чувствовал, как стены становятся ближе. Потом лестница кончилась, и мы оказались в широком коридоре.

Здесь было светло. Тусклый свет шел откуда-то сверху, и я видел, что стены здесь чище, чем наверху. Металл блестел, как будто его терли песком.

Мы пошли дальше.

Коридор вел прямо, потом разветвлялся. Мы остановились на перекрестке. Три пути: прямо, налево, направо. Везде было темно. Везде было тихо.

— Что теперь? — спросил я.

— Надо идти, — сказал Мэкки.

— Куда?

— Не знаю. Но стоять здесь нельзя.

— Может, останемся здесь? — предложил я. — Подождем. Может, корабль уплывет, и...

— И что? — Мэкки развернулся ко мне. — Мы будем сидеть здесь, пока нас не найдут? Пока крысы не придут убираться?

— Я не...

— Нет, ты послушай, — он шагнул ко мне, схватил за воротник. Я почувствовал, как его пальцы сжимают ткань. — Мы не можем здесь оставаться. Нас найдут. Убьют. Или хуже. Ты понял? Хуже, чем на ферме. Здесь нет фермы. Здесь тебя просто...

— Мэкки, — сказала Мира.

Он не слушал. Его глаза горели.

— ...сожрут. Или скормят кому-нибудь.

Ребенок заплакал.

Звук был тонким, резким, он разорвал тишину. Мэкки отпустил меня. Мы оба обернулись.

Мира стояла у стены, прижимая младенца к груди. Он плакал. Громко, надрывно, и я знал, что этот звук слышен везде.

— Заткни его, — прошептал Мэкки.

— Я пытаюсь, — Мира качала ребенка, гладила по голове, но он не замолкал.

— Дай сюда, — Мэкки протянул руки.

— Не трогай, — я оттолкнул его.

— Он нас выдаст!

— Он ребенок! — я закричал.

Ребенок плакал. Мира прижимала его к себе, и я видел, как ее лицо меняется. Она что-то поняла.

— Он хочет есть, — сказала она.

Мы замолчали.

— Ему нужно молоко, — продолжила она. — Он голоден.

— Где мы возьмем молоко? — спросил Мэкки.

— На кухне, — сказала Мира. — На корабле должна быть кухня. Там есть еда. Там есть молоко.

— Ты хочешь пойти на кухню? — я не верил своим ушам. — Там же звери.

— А что еще делать? — Мира посмотрела на меня. — Он умрет. Если мы не найдем молоко, он умрет.

Мы смотрели на ребенка. Он плакал, и его лицо было красным, мокрым от слез. Я думал о том, что его мать отдала его нам. Чтобы он жил. А теперь он умирает.

— Идем, — сказал Мэкки.

Мы шли по коридору, и ребенок плакал.

Мира заткнула ему рот тряпкой, но он все равно издавал звуки — глухие, надрывные. Я шел первым, стараясь не думать о том, что нас могут услышать. Мэкки шел за мной, сжимая нож. Мира замыкала.

Проход вел куда-то вниз. Мы спускались по лестницам, проходили через узкие проходы, открывали решетки. Я сбился со счета. Мне казалось, что мы идем уже час. Может, два.

Потом я почувствовал запах.

Горячее масло. Мясо. Я остановился. Мэкки ткнул мне в спину.

— Что там?

— Кухня, — сказал я.

Мы подошли к решетке. Она была сделана из твердого, полупрозрачного материала. Сквозь нее пробивался свет — теплый, желтый. И запах становился сильнее.

Я приник к решетке.

Помещение было большим. В центре стоял стол. У стены — железная коробка с прозрачной дверцей, из которой шел холод. Рядом — другая, с круглыми конфорками, на которых что-то шипело, поднимая к потолку облачка пара.

А у этой штуковины стоял слон.

Он был огромным. Выше свиней, выше всего, что я видел. Он стоял на двух задних ногах, и его передние были заняты — на них были какие-то приспособления, кожаные петли, железные крючки. В одной он держал нож. Длинный, широкий. В другой — плоскую железную лопатку.

На голове у него была белая высокая шляпа. На теле — белая накидка, заляпанная чем-то темным. Мясным соком. Или кровью.

Он жарил мясо.

Я смотрел на железную пластину, на которой лежали куски. Они шипели на масле. Они были маленькими. Тонкими. Похожими на...

Я отвернулся.

— Что там? — прошептал Мэкки.

— Слон, — сказал я. — Готовит.

— Мясо?

Я кивнул.

Мэкки посмотрел на меня. Потом на Миру. Потом на ребенка, который уже не плакал — просто всхлипывал, затихая.

— Там стоит холодный шкаф, — сказал он. — В таких всегда есть молоко.

— И как мы до него доберемся? — спросила Мира.

Мэкки подумал.

— Я отвлеку его, — сказал он. — А ты забежишь и возьмешь молоко.

— Я? — я почувствовал, как сердце ухнуло вниз.

— Ты маленький. Быстрый. Он тебя не заметит.

— А если заметит?

— Не заметит. Я сделаю так, что он не заметит.

— А ты? — спросила Мира.

— Я удержу его столько, сколько смогу.

— Это риск, — сказала она.

— А что еще делать? — он посмотрел на ребенка. — Он умрет.

Мы молчали. Ребенок всхлипнул.

— Ладно, — сказал я.

Мэкки открыл решетку. Она поддалась легко, бесшумно. Слон стоял к нам спиной, помешивая мясо.

— Держи, — прошептал Мэкки и передал мне решетку.

Я взял ее, чувствуя, как гладкий твердый лист скользит в руках. Мэкки спустился на пол. Я прикрыл отверстие и стал наблюдать.

Он двигался быстро, бесшумно. Его босые ноги ступали по гладкому полу, и я слышал только шипение масла и свое сердце. Он проскочил мимо стола, мимо плиты, скользнул в дверь справа. Я видел край раковины, кран.

Потом что-то упало.

Звук был громким, резким. Слон замер. Его хобот дернулся, поворачиваясь в сторону звука. Он медленно, очень медленно пошел туда, оставив сковороду на плите.

Я выскочил из вентиляции.

Ноги скользили по гладкому полу. Я бежал к столу, хватая стул, двигая его к холодному шкафу. Стул был тяжелым, его ножки скрежетали по полу, и я боялся, что слон услышит. Но там, в другой комнате, что-то гремело, и слон что-то говорил низким, урчащим голосом.

Я залез на стул. Руки тряслись. Ноги тряслись. Я открыл дверцу.

Холод ударил в лицо. Внутри было много всего — овощи, фрукты, какие-то банки, бутылки. Мясо. Много мяса. Завернутого в бумагу. Я смотрел на него и не мог отвести взгляд.

Молоко.

Я увидел его в дверце. Четыре стеклянные бутылки с белыми крышками. Я схватил одну, сунул за пазуху. Вторую. Третью.

Четвертая выскользнула.

Я видел, как она летит. Как свет отражается от стекла. Как она падает.

Звук был громче выстрела.

Стекло разлетелось на сотни осколков. Молоко разлилось по полу белыми лужами. Я стоял на стуле, сжимая три уцелевшие бутылки, и не мог двинуться. Руки тряслись. Ноги тряслись. Сердце колотилось где-то в горле.

Шаги.

Тяжелые. Медленные.

Слон шел.

Я заставил себя двинуться. Спрыгнул со стула. Ноги подкосились, и я упал на колени, но успел подхватить бутылки, прижать их к груди. Стекло было холодным, мокрым от моих вспотевших ладоней. Я забился под стол. В самый дальний угол. Бутылки прижал к себе так сильно, что они впивались в ребра.

Слон вошел в комнату.

Я видел его ноги. Толстые, серые, с широкими ступнями. На них были такие же приспособления, как на руках. Я смотрел на эти ноги и думал: сейчас он наклонится. Сейчас увидит меня.

Он остановился.

Я слышал, как он дышит — тяжело, с присвистом. Я задержал дыхание. Не дышал. Не двигался.

Потом он закричал.

Звук был низким, тягучим, он шел из самой глубины его тела. Я чувствовал, как вибрирует пол, как дрожит стул, как трясутся бутылки в моих руках. Слонячий визг. Я никогда не слышал ничего подобного.

Он открыл дверь. Ту, что вела в другую комнату. Я видел край стола, край скатерти. Он стоял там, смотря в ту комнату, и я слышал, как он что-то говорит. Не слова. Что-то другое. Рык. Стон.

Потом я увидел Мэки.

Он выбежал из мойки. Его лицо было белым, глаза широко раскрыты, но он двигался быстро, бесшумно. Он схватил стул, поставил его под вентиляцию.

— Давай! — прошептал он.

Я вылез из-под стола. Бутылки стучались о грудь. Я не смотрел в сторону слона. Не мог. Я смотрел только на стул, на вентиляцию, на Мэки.

Я залез на стул. Мэки придерживал решетку. Я бросил бутылки внутрь — они глухо ударились о металл — и полез сам. Руки скользили, ноги не слушались, я не мог подтянуться.

Мэки толкнул меня снизу. Я ввалился внутрь, больно ударившись коленями о край. Мэки прыгнул за мной.

Мы лежали в темноте, тяжело дыша. Мира смотрела на нас. Ребенок на ее руках заворочился.

— Молоко, — сказал я, протягивая бутылки.

Моя рука дрожала.

Она взяла одну. Открыла. Поднесла к губам ребенка.

Он пил.

Жадно, захлебываясь, сжимая пальцами ее накидку. Он пил, и его лицо переставало быть напряженным, его тельце расслаблялось. Я смотрел на него и чувствовал, как страх отпускает.

— Жив, — сказал Мэки.

Голос у него был хриплым.

— Жив, — повторил я.

Мы вернулись на перекресток.

Сели на пол, прислонившись к стенам. Бутылки с молоком стояли рядом. Ребенок спал на руках у Миры, и его лицо было спокойным. Сытым.

— Я голоден, — сказал Мэки.

Мы молчали. В животе урчало. Я чувствовал запах жареного мяса, который до сих пор держался в одежде.

— Надо идти, — сказала Мира. — Здесь нельзя оставаться.

Мы пошли дальше.

Другой коридор. Другие решетки. Я заглядывал в каждую, но везде было темно.

— Каюты, — сказал Мэки. — Для зверей.

Мы заглянули в одну. Там была лежанка, стол, стул. Чисто. В холодном шкафу — еда. Овощи, фрукты, бутылки с молоком. И мясо. Завернутое в пленку.

Мы закрыли дверцу и не стали его трогать.

— Пустые, — сказала Мира. — Все.

— Значит, корабль плывет за пассажирами, — сказал Мэки. — В город.

Мы переглянулись. Город. Я думал о том, что рассказывал отец. О высоких зданиях, о широких улицах, о том, как животные перестроили всё под себя. Город. Место, где люди были скотом.

— Нам нужно спрятаться, — сказал я. — До утра.

Мы нашли каюту в самом конце коридора. Она была такой же, как остальные — лежанка, стол, стул, холодный шкаф, — но дверь закрывалась на железный штырь, который входил в стену. Мэки запер ее, и я услышал, как металл шелкнул, отделяя нас от коридора.

Я поставил бутылки с молоком на стол. Стекло стукнулось о дерево.

Мира положила ребенка на лежанку. Он заворочался, но не проснулся. Она поправила тряпку, в которую он был закутан. Я смотрел на нее и думал о том, что она уже ведет себя как мать.

— Мы будем есть? — спросил Мэки.

Я открыл холодный шкаф.

Оттуда пахло холодом и чем-то свежим, чистым, незнакомым. Я никогда не открывал такой шкаф. На ферме у нас не было ничего подобного. Была только общая миска, куда вываливали помои.

Здесь было по-другому.

Овощи. Целые, чистые. Фрукты. Яблоки. Молоко. Хлеб. И мясо. Завернутое в бумагу.

Я взял яблоко.

Оно было красным, гладким, тяжелым. Я поднес его к носу. Запах был сладким, чуть кислым, непохожим ни на что, что я знал. На ферме пахло грязью, потом, гнилью. Здесь пахло яблоком.

Я надкусил.

Сок брызнул на губы, потек по подбородку. Мякоть хрустела на зубах. Сладко. Сочнее, чем я мог представить. Я закрыл глаза и жевал, не открывая, боясь, что если открою, то всё исчезнет.

— Это настоящее? — спросил я.

Мэки уже ел морковь, откусывая большими кусками. Мира взяла грушу, откусила, и я видел, как ее лицо изменилось. Стало мягче.

— Настоящее, — сказала она.

Я смотрел на еду, разложенную на столе, и не мог поверить, что это всё для нас. Что мы можем есть столько, сколько хотим. Что никто не отнимет. Что не надо прятать кусочки под лежанку на завтра

— Мясо не будем, — сказала Мира.

Мы не стали. Я не знал, чье это мясо. Не хотел знать.

Мы ели молча. Много. Долго. Я наелся так, как не наедался никогда. Живот болел, но я не мог остановиться.

Мэкки откинулся на спинку стула, похлопал себя по животу. Потом посмотрел на бутылки с молоком, которые мы принесли, и расхохотался. Тихо, чтобы не услышали за дверью.

— Ты чего? — спросил я.

— Мы, — сказал он, вытирая глаза. — Мы полезли на кухню. Рисковали жизнью. Чуть не умерли. А молоко... — он кивнул на холодный шкаф. — Оно было здесь. В каюте. С самого начала.

Я посмотрел на шкаф. Потом на бутылки, которые мы принесли, мокрые, испачканные молоком.

— Мы могли просто зайти в любую каюту, — продолжал Мэкки. — Открыть шкаф. Взять молоко. И всё. Без слона. Без... — он не договорил, махнул рукой. — А мы как дураки...

Он снова засмеялся, и я не выдержал. Я тоже засмеялся. Тихо, прижимая руку ко рту. Мира смотрела на нас, и ее лицо было серьезным, но потом уголки ее губ дрогнули, и она тоже улыbnулась. В первый раз за всё время.

— Мы не знали, — сказала она. — Откуда нам было знать?

— Вот и я о том, — Мэкки взял бутылку, поднял ее. — Столько шума из-за молока. А оно в каждой каюте. В каждой, блин, каюте.

Мы сидели за столом, в каюте, которая принадлежала какому-то зверю, и смеялись над тем, как глупо мы рисковали. И в этом смехе было что-то освобождающее.

— Если бы не ребенок, — сказал Мэкки, снова откидываясь на спинку стула, — мы бы так и не нашли эту каюту. И не поели бы.

Я посмотрел на ребенка. Он спал на лежанке, и его лицо было спокойным. Сытым.

— Может, он приносит удачу, — сказал я.

Мэкки хохотнул.

— Тогда нам нужен еще один.

Мира не засмеялась. Она смотрела на ребенка, и в ее глазах было что-то, чего я раньше не видел.

— Ложись, — сказала она. — Завтра будет тяжелый день.

Мы легли на пол. Мэкки сразу заснул. Мира лежала рядом с лежанкой, положив руку на ребенка. Я смотрел в потолок и слушал, как скрипит корабль, как вода бьется о борта. Я думал о том, что в этом мире, где люди — мясо, а звери — хозяйева, есть такие места. Яблоки, которые пахнут другим миром. Чистота.

Может, это и есть другой мир.

Я закрыл глаза. И уснул.

Мне снилась ферма.

Снился забор, высокий, с колючей проволокой, и отец, который стоял у него, смотрел на небо. Я стоял по ту сторону, там, где кончался луг и начинался лес. Я был сытым. Впервые в жизни — по-настоящему сытым, не размятой картофельной кожурой, а чем-то настоящим, тем, что можно было есть не торопясь, не пряча кусочки на завтра. Я хотел крикнуть ему об этом. Сказать, что за лесом есть море. Что мы плыли по нему на лодке. Что мы нашли место, где есть еда. Где есть чистота. Где не надо бояться, что завтра не дадут корм.

Но он не оборачивался. Он стоял у забора и смотрел в туман, в ту сторону, откуда мы пришли. Я кричал, но он не слышал. Или слышал, но не хотел оборачиваться.

Я знал, что он не уйдет оттуда. Никогда. Он останется там, где мы его оставили. У забора. С ножом из обломка металла. С другом, который бежал рядом. Они будут стоять там вечно, пока в тумане не покажутся свиньи, а потом — темнота.

Утром меня разбудил свет.

Я открыл глаза. Солнце било в окно, и я щурился, не понимая, где я. Потом вспомнил. Корабль. Каюта.

Я подошел к окну.

Корабль стоял у причала. Внизу была вода, темная, маслянистая. А дальше — город.

Он был огромным. Дома уходили вверх, выше, чем я мог представить. Их стены были серыми. Между домами двигались фигуры — большие, маленькие, на двух ногах, на четырех. Звери. Много зверей.

— Просыпайтесь, — сказал я.

В дверь постучали.

Мы замерли. Стук повторился. Громче. Настойчивее. Потом кто-то дернул ручку. Задвижка держалась.

— Уходим, — прошептал Мэкки.

Мы хватали еду, совали ее в мешки. Мира завязала ребенка на спине. Я нагрузился мешками. Мэкки открыл вентиляцию.

Мы лезли, не оглядываясь, и выбрались на крышу.

Солнце было ярким, и я щурился. Палуба была полна зверей. Медведи, волки, какие-то крупные кошки — они двигались между собой, переговаривались. Мы прижались к стене.

— Туда, — сказал Мэкки.

Нос корабля был пуст. Мы побежали.

Город нависал над нами. Я видел дома, мосты, переходы. Всё было огромным, грубым, построенным для тех, кто выше нас в десятки раз. Люди здесь были не нужны.

Мэкки нашел веревку. Она лежала на борту, толстая, узловатая. Он перекинул ее за борт.

— Давай, — сказал он.

Я полез. Веревка жгла руки, но я не чувствовал боли.

Мира спустилась за мной. Ребенок на ее спине не плакал.

Мы ступили на причал. Он был деревянным, скользким от воды. Мэкки прыгнул в воду, вынырнул, вылез. Мы стояли под носом корабля, и он нависал над нами, закрывая от всего мира.

Потом мы увидели телегу.

Ее тащили коты. Они шли на двух задних лапах, и их движения были странными, неуклюжими. На телеге были клетки. В клетках были люди.

Я видел их лица. Мужчины, женщины, дети. Они сидели, прижавшись друг к другу, и их глаза были пустыми. Как будто они уже умерли.

А в последней клетке сидел Крюстон.

Он смотрел прямо перед собой. Я хотел крикнуть, побежать, но Мэкки схватил меня за руку. Крепко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.